

УДК 101.1:316

**ФИЛОСОФИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ
ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В СИТУАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА**

Э.А. Исламов

Аннотация

В статье представлена попытка рассмотрения современной ситуации отчуждения человека в обществе потребления. Исследуются причины и механизмы возникновения, а также проявления отчуждения. Предлагается взгляд на философию как на метод преодоления противоречий феномена отчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, общество потребления, целеполагание, свобода, философия.

Философия как наука далека от повседневного человека. Сам её язык – это уже серьёзное препятствие на пути в повседневность. Хотя сегодня, так или иначе, наблюдается тенденция ко всё большему проникновению философии в сферы бытовые и будничные, что замечательно выражает, к примеру, название популярного учебного пособия «Философия для полных идиотов», которое любой желающий может беспрепятственно приобрести в книжном магазине. Однако, опустив иронию, можно сказать, что автору данной книги удалось, возможно, и бессознательно, выразить фундаментальный философский принцип, восходящий к философии Сократа. Мы неспроста вспомнили этого великого грека, ведь принято считать, что именно с его именем связан так называемый антропологический поворот – именно с тех давних пор философия начинает свой путь в массы, становясь народной мудростью странствующих философов, риторикой софистов на рынках и площадях. В этом смысле философия всегда была и будет мощнейшим инструментом борьбы человека со своей же дикой натурой. Именно философия как определённый метод, как линия поведения, неся в себе, с одной стороны, мудрость поколений, с другой – систему научных знаний и мистические откровения, помогала человеку на протяжении долгих лет сохранять мужество перед лицом самых опасных врагов – заблуждений и страхов. С её помощью человек всегда мог обрести внутреннюю свободу «быть», невзирая на лишения, страдания, смерть, изменяясь в практиках ума, души и тела, оставаться человеком, не поддаваясь самым серьёзным испытаниям. Итак, философия и сегодня во многом остаётся подобным подспорьем, а современный нам человек так же далек от идеала во многих аспектах и пластах своей реальности, как и всегда. Вероятно, такое состояние является для нас в некотором

роде определённой точки равновесия, и в этом не нужно искать причины для серьёзных разочарований.

За прошедшие два века в общественном развитии наблюдались небывалые по интенсивности социальные изменения. Если мы хотим оценить эти изменения в отношении степени свободы человека, то необходимо определиться с точкой отсчёта: с чем сравнивать и соотносить. Такой точкой может послужить марксов анализ характера и последствий отчуждённого труда, поскольку здесь вскрывается механизм экономической и социальной не-свободы человека. Понятие отчуждения в философии К. Маркса, с одной стороны, обладает достаточной социально-философской глубинной научностью, но вместе с тем, с другой стороны, схватывает живую ткань самого социального. Вспомним узловые моменты марксовской теории отчуждения, на которых выстроено наше рассуждение.

Исследуя современное буржуазное общество, Маркс приходит к переосмыслению феномена отчуждения. В его постановке проблемы весь трагизм для человека, рабочего, заключается в том, что он оказывается зажатым между непосильным трудом и внешней необходимостью его непрерывного продолжения, поддерживая постоянный огонь доменных печей производства, нередко ценой своей жизни. Давайте разберёмся, что же является отчуждением в таком процессе труда и к каким последствиям приводит этот процесс согласно логике К. Маркса.

Совершенно очевидно, что отчуждением нужно считать невозможность использования рабочим всех тех благ, которые были произведены им с таким трудом – они принадлежат «не-рабочему», как пишет Маркс, или капиталисту. Более того, они противостоят рабочему как чуждые предметы вещного мира, ведь чем больше он производит, тем дешевле становится его труд и тем более недостижимым оказывается продукт труда. Это во-первых. Во-вторых, и как следствие, рабочий вынужден непрерывно обменивать свой труд на результат, не имеющий к процессу производства фактически никакого отношения, сам становясь при этом товаром. В-третьих, в процессе стихийного разделения труда, а также усиленного постоянной механизацией производства утрачивается целесообразность в деятельности: человек превращается из творящего субъекта в агента, что попросту лишает его возможности трудиться собственно по-человечески, сводя его деятельность к замкнутым, повторяемым процессам (см. [1, с. 86–99]). Отметим попутно, что в современном повседневном языке утрата целесообразности деятельности рабочего закрепляется в слове «оператор». Это тот, кто лишь следит за ходом выполнения автоматизированных повторяемых процессов. В философском языке в этом же смысле употребляется слово «агент». И наконец, в-четвёртых, в результате так и не происходит обретения человеком своей подлинности – производство вещественных благ становится самоцелью, замыкаясь на себе самом и выдавливая человека за границы этого круга, однако существуя за счёт него и через него; так, в дубильнях и на конвейерных лентах угасает мерцающее и неуловимое «человеческое» (см. [2, с. 265–268]).

Так, с точки зрения К. Маркса, в самом общем виде выглядят основные моменты отчуждения, которые проходит рабочий в процессе труда. Однако эта система не оставляет современного ей человека в безвыходной ситуации, но предлагает весьма интересный вариант снятия вскрытого процесса опустошения,

утраты целесообразности в деятельности. Ещё раз отметим, что процесс целеполагания является лишь одним из звеньев в целой цепочке обнаруженных Марксом противоречий. Таким образом, мы начнём свой анализ с частного, затем перейдем к общему – к проблеме отчуждения в целом.

Утрата целесообразности в процессе человеческой деятельности достаточно подробно разбирается в работе О.Г. Дробницкого – «Проблема человека и нравственности в современной буржуазной философии» [2]. Автор показывает исторические предпосылки возникновения этой проблемы и то, как её постановка эволюционировала от Канта до Маркса.

Говоря о целесообразной деятельности, нужно отметить, что в приведённом тексте она зачастую рассматривается в связи с определением границ и содержания социальной сущности человека, однако, согласно точке зрения О.Г. Дробницкого, позитивно выстроить всю логику данного вопроса классической философии, как собственно и современной ему западной философии, так и не удалось. В конечном счёте, рассматривая в историко-философской ретроспективе пройденный путь от констатации целесообразности как критерия собственно человеческого до необходимости определения природы целеполагания, автор подчёркивает: «...Сущность человека в данном случае уже прямо определяется как ничто» [2, с. 263].

Теперь посмотрим, как О.Г. Дробницкий решает вопрос целеполагания в традиции марксизма. В самых общих чертах можно сказать, что первым шагом к «освобождению» человека становится смещение акцента в процессе труда. Если раньше конечной целью труда было производство товара, вещного богатства, что и приводило, как мы выяснили, в конечном счёте к отчуждению, то теперь результатом должен стать сам человек. Как пишет Дробницкий, такое преодоление ограниченности внешне-целесообразного, односторонне-утилитарного отношения к своей деятельности, согласно Марксу, должно произойти с необходимостью – исторически и за счёт осознания безграничности этого исторического процесса, позволяя человеку действовать универсально [2, с. 265]. Таким образом, решение проблемы опустошённости (а мы помним, что в общем плане речь идёт об отчуждении) происходит за счёт «превращения этих потребностей из внешней необходимости (в виде насущной нужды тела или чисто институциональных «искусственных» потребностей) в средство саморазвития человека, превращение предметного богатства, воплощённого в вещах, в собственное достояние, возможность и способность субъекта, а производства как конечной цели – в творчество человеком самого себя» [2, с. 268]. Постараемся теперь разобраться в этой формуле человеческой свободы затем, чтобы переложить её на современную ситуацию – возможно, так приоткроется диспозиция современного положения человека относительно социальной свободы.

Безусловно точно здесь определяется необходимый шаг, который нужно сделать человеку на пути от опустошения к обретению своей сущности – перенесение акцентов в процессе производства с вещных ценностей на самого человека (то есть на того, кто эти самые ценности производит). Таким образом, процесс производства становится универсальной способностью самого человека, что позволяет ему быть свободным в своей жизни. Но что это значит? Человек становится свободным от необходимости труда, диктуемого нуждой, с одной

стороны, и необходимости постоянного его продолжения, что довлеет над ним как внешнеэкономический и социальный факторы, неподвластные его воле, – с другой. К. Маркс пишет: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. <...> По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе» [3, с. 386–387]. Замечательно. Единственное, что остаётся не совсем понятным – это то, каким образом должно произойти названное смещение акцентов. Другими словами, самый главный пусковой механизм остаётся скрытым за весьма сомнительными створками материалистических клишированных схем и прописных истин. В процитированном тексте несколькими абзацами выше сказано: «преодоление подобного отношения человека к своей деятельности происходит исторически (включая уничтожение капиталистического способа производства)». Вообще, как раз сама историческая необходимость скорее заставит нас предположить обратное: никакое царство свободы невозможно. Идеальный конструкт, названный царством свободы, поставленный на рельсы политического конвейера (и в этом смысле, действительно, именно «царство» как система), превращается в механизм идеологии и подавления этой свободы.

И всё же свобода возможна – пусть не в виде неперемennого атрибута общественного устройства (а именно в этом пространстве социальности её всегда и пытались обнаружить), но каким-либо иным образом. Хотя, безусловно, нельзя отрицать полного отсутствия свободы как институционального проявления и нужно отдать должное: в целом усреднённый коэффициент свободы в обществе за последние два века несказанно возрос. Во многом это заслуга тех, кто решился титаническими усилиями возвести этот, во многом невозможный по законам природы дворец. Вероятно, так проявляется историческая необходимость, и руками этих людей история всё ведёт вперёд свою бесконечную линию. Однако что же мы делаем с этим возросшим коэффициентом усреднённой свободы? Ведь, согласно марксовской логике, уходя от принудительной необходимости непрерывно превращаться в процессе труда во всё более и более дешевающий товар, человек становится универсальным хозяином самого себя, а продукт труда – его универсальной возможностью. Мы являемся свидетелями интересных событий: некоторая мера свободы воплотилась в нашем мире – мы получили её в наследство от замечательных «титанов» XIX века, воплощающих собой апогей развития западноевропейской индивидуальности. Однако современный человек не готов даже к этим малым крупичкам свободы, и мы с радостью избавляемся от любой её формы.

Возможность свободы подразумевает «излишнюю», избыточную ответственность за то, чтобы «быть человеком». Маятник социальных процессов приводит нас от общества рабского и унижительного труда к обществу не менее рабского и унижительного потребления. Из тисков необходимости производить мы попадаем в тиски необходимости потреблять, и «музыкальная шкатулка» социальной не-свободы, защёлкнувшись, начинает наигрывать всё те же мотивы –

перед нами всё тот же механизм отчуждения только в ином ракурсе. Теперь во главе цепочки целей, там, где с рассмотренных нами выше позиций должен был находиться свободный и универсальный человек, стоит не производство вещных ценностей, но их потребление. Сегодня человек всё так же находится перед необходимостью удовлетворения насущных потребностей, однако, получив возможность удовлетворять эти потребности в разных формах, что, кстати, и считается сегодня истинным и единственно возможным проявлением свободы, он становится заложником этих различных форм потребления – они провоцируют его потреблять всё больше. Более того, создаётся некое особое информативное пространство – медиа – пространство имиджей, брендов и рекламных слоганов. Интересно, что собственно продукты производства мы потребляем всё чаще, не замечая их, постепенно переходя к потреблению именно этих абстрактных, отчуждённых форм, стремясь овладеть химерами (см. [4]). В этом смысле труд по-прежнему продолжает быть лишь внешне целесообразным. Сегодня мы – операторы повторяемых и раз-умных микропроцессов в огромном и безразличном тотальном производстве. Мы находимся в подчинении у созданных сил – потребление диктует нам модели социального поведения, и, выжимая себя до капли, мы стремимся приобрести новый модный девайс.

Экономические предпосылки отчуждения в обществе потребления кроются в самом способе производства. Очевидно, развитие техники в данном процессе сыграло не последнюю роль, запустив причинно-следственный механизм утраты человеком некоего фундаментального содержания. «Разумные» устройства, встающие опосредующим звеном между массовым человеком (то есть потребителем) и трудом как ремеслом, как техне, освобождают его от необходимости вкладывать нечто от себя в конечный продукт производства – по большому счету «опредмечивать». Пользуясь терминами Маркса, можно сказать, что, распредметив такой продукт, мы не найдём в нём непосредственных следов конкретного живого человека – ни конечного потребителя, ни даже разработчика конструкции конвейера, на котором был создан данный продукт. Их труда мы найти не сможем – всё это, как и необходимое в данном процессе ощущение конечной цели, растворилось в безразличном механизме, запущенном необходимостью потребления. Единственное, что мы сможем найти, так это слабую тень, но стоящую здесь за всем и везде, – высшую форму и проявление отчуждения в современном мире – деньги. И если в современном Марксу буржуазном обществе человек превратился в товар непосредственно, как рабочая сила, то сегодня человек такой же товар, но его сущность иная – желание. Именно желание становится той точкой, на которой сконцентрированы безжалостные удары медийной индустрии – этого новейшего изобретения общества продаж и потребления. В развернувшейся войне без боя, где слабое и незащищенное сознание человека становится мишенью, «дойной коровой», для системы есть только один закон – закон эффективных продаж, и парадокс заключается в том, что система не считается с человеком. Ни по одну из сторон баррикад. Другими словами, в экономике, где центральной фигурой и единицей является менеджер, непосредственно не заинтересованный в конечном результате управления, все отношения выстраиваются по принципу матрёшки, и остаётся только суеверно «сплевывать через плечо» при мысли о той последней, которая проглотит всех нас.

Помимо прочего, стоит упомянуть, что ещё одной целью воздействия становится сфера жизнедеятельности человека, связанная с вопросами целеполагания. Происходит весьма основательная подмена ценностей и понятий, опустошение содержаний позитивных смысловых конструктов. И если в целом сущность целеполагания свести к возможности человека проецировать себя в будущее, применяя к себе эти устоявшиеся, позитивные смысло-образы и конструкты, то можно сказать, что использование этих клише в пространстве медиа и есть потеря нашей основной функции как человеческих существ. Возможно, мы отдаёмся во власть этой безличной силы на бессознательном уровне, ведь она «относится» к нам, как к природным существам, воздействуя на наше тело на соответствующем уровне, но когда из этого уровня молчаливо прорастет понимание того, что «мечты сбываются», можно смело констатировать – центральные жизненные силы человека в весьма сомнительном положении.

Тайна общества потребления, конечно, раскрыта – уже в начале прошлого века она «нашла автора», но по мере того как механизм самозащиты этого общества присваивает всё новые и новые формы осознания и протеста, превращая их в модные тенденции (наподобие живого организма, обретающего иммунитет), возрастает необходимость в анализе и поиске действенных методов. Сегодня любая форма протеста может быть интегрирована системой потребления – на рынке спроса и предложения всё становится товаром, в том числе и протест.

И всё же сказать, что при этих обстоятельствах никакая свобода невозможна, было бы неверно. Начнём с того, что, как мы выяснили, эту категорию также можно рассматривать не в институциональном контексте, а с позиций собственно человеческих. Там, где есть общество, полностью нет человека, ведь сумма всех его частей не даёт целого, а значит, такое понятие не покрывает полностью «человека» – он всегда должен быть чем-то большим. В такой ситуации размышлять о свободе человека как о некотором юридическом аспекте его социального и общественного бытия не всегда достаточно. Дело в том, что возможен и другой аспект свободы – тот, который касается непосредственно каждого и находится только в его личном поле досягания.

Многие исследователи склонны к достаточно пессимистичным оценкам состояния современной культуры в целом и науки в частности: есть мнение, что мы живем в эпоху конца истории. Это значит, что информационное пространство, культура максимально заполнены смыслами – до такой степени, что вектору прогресса фактически некуда устремляться, и к чему бы он ни устремился, отовсюду слышится: «Это уже было». Как возможна свобода в таких условиях? Думается, что в век культурного пресыщения и господства безразличных тоталитарных систем нужно перестать надеяться на их бюрократические институты социальной поддержки и обратиться к себе самим. Необходимая сила для такого выхода с «орбиты» есть у философии в виде её внутреннего, эзотерического стремления к благу. Человеку нужно перестать взваливать на себя непосильный груз стремления обустроить эту безразличную институциональность, поборов все ветряные мельницы. В этом смысле не нашему обществу в первую очередь необходим «Конфуций», но отдельному человеку – «Лао Цзы». Другими словами, предметом живой философской заботы должен стать живой

человек, ведь свобода как «моё» состояние начинается именно здесь – с отношения, с угла зрения, если угодно, на тот или иной вопрос.

Итак, задача современного человека, если он хочет снять проблему отчуждения, искать выход не только во внешних и чуждых ему экономических и социальных течениях, но и иметь внутреннюю структуру, позволяющую относиться к тем или иным внешним. Для этого необходимо обратиться к простой и понятной стороне философии, один берег которой всегда находится здесь и сейчас.

Summary

E.A. Islamov. Philosophy as the Possibility of Esoteric Freedom in a Situation of Alienation of Contemporary Man.

This article presents an attempt to review the current situation of a person's alienation in the consumer society. It studies the origins, mechanisms, and manifestations of alienation. The work proposes a view on philosophy as a method to overcome the contradictions of the alienation phenomenon.

Key words: alienation, consumer society, goal setting, freedom, philosophy.

Литература

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
2. *Дробницкий О.Г.* Природа и границы сферы общественного бытия человека // Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. – М.: Наука, 1977. – С. 247–285.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1962. – Т. 25, ч. II. – 551 с.
4. *Фромм Э.* Человек одинок // Иностран. лит. – 1966. – № 1. – С. 230–234.

Поступила в редакцию
07.09.11

Исламов Эмиль Альбертович – аспирант кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: megamarts@gmail.com